

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ
БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ НАУКИ
ИНСТИТУТ АФРИКИ
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

Dmitri M. Bondarenko

THE SHADES OF BLACK

Cultural-Anthropological Aspects
of Mutual Perceptions and Relations between
African Americans and African Migrants
in the U.S.A.



Fundamental Linguistics
Development Fund

MOSCOW

2016

Д.М. Бондаренко

ОТТЕНКИ ЧЕРНОГО

Культурно-антропологические аспекты
взаимовосприятия и взаимоотношений
африкано-американцев и мигрантов
из стран субсахарской Африки в США



Фонд «Развития фундаментальных
лингвистических исследований»

МОСКВА

2016

УДК 316.7 *Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках научных проектов № 13-01-18036 «Отношения между африкано-американцами и мигрантами из стран Африки в США: социокультурный аспект взаимовосприятия общин» и № 14-01-00070 «Африкано-американцы и мигранты из стран Африки в США: культурная мифология и реальность взаимоотношений».*
ББК 71.1
Б 81

Ответственный редактор
д.и.н. И.В. Следзевский

Рецензенты
д.и.н. Н.Л. Крылова, д.и.н. Е.И. Филиппова

Бондаренко Д.М.

Б 81 Оттенки черного. Культурно-антропологические аспекты взаимовосприятия и взаимоотношений африкано-американцев и мигрантов из стран субсахарской Африки в США. – М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2016. – 216 с. – наклейка.

ISBN 978-5-99061-333-1

Монография основана на полевых материалах, собранных в 2013–2015 годах. В центре внимания автора – взаимовосприятие и взаимоотношения представителей двух африканских по происхождению групп населения США: существующего уже несколько столетий сообщества африкано-американцев и сложившихся в наше время диаспор выходцев из различных государств субсахарской Африки. В историко-социологическом контексте рассматриваются такие культурно-антропологические аспекты восприятия друг друга черными американцами и африканскими мигрантами, как историческая память и взаимные образы культур. Показывается, как взаимовосприятие носителей разных культур сказывается на их взаимоотношениях. Монография, с одной стороны, лежит в русле общих тенденций в современных антропологии и африканистике, а с другой – вносит вклад в разработку конкретной слабоизученной темы, актуальной не только для этих научных дисциплин, но также для истории и американистики.

УДК 316.7
ББК 71.1

Фотографии Д.М. Бондаренко.

Фотография на обложке: На фонтане «Корона» (скульптор Ж. Пленса), установленном в 2004 г. в чикагском парке Миллениум, сменяют друг друга почти тысяча лиц жителей города, включая, разумеется, и черные лица. Красно-черно-зеленый флаг – «флаг Африки». Был создан в 1920 г. М. Гарви как символ единства всех черных людей и с тех пор принимается многими организациями panaфриканистов различного толка.

ISBN 978-5-99061-333-1

© Бондаренко Д.М., 2016
© Институт Африки РАН, 2016
© Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2016
© Абишева Г.М., оформление, 2016

БЛАГОДАРНОСТИ

Автор – руководитель обоих проектов Российского гуманитарного научного фонда, итогом выполнения которых стала эта книга, – искренне благодарен их исполнителям, совместно с которыми собирался полевой материал, – А.Е. Жукову и В.В. Усачевой, друзьям, оказавшим неоценимую помощь в организации и проведении исследования: М. Алео, Д. Баллард, К. Баскину, Э. Блэйкли, М. Бойчук, А. Валке, И. Натуфе, Б. и К. Сорбо, Х. Уиверу, коллегам, участвовавшим в обработке полевого материала, – А.А. Банициковой, О.В. Иванченко, П.А. Попову, а также П. Столлеру за присланные оттиски его публикаций, А.М. Васильеву и И.В. Следзевскому за многолетнюю поддержку в научных начинаниях.

Особую признательность автор хотел бы выразить всем информантам, согласившимся потратить время на откровенное общение.

CONTENTS

<i>Introduction</i>	9
<i>Chapter 1. African Americans and African Migrants: Mutual Attraction and Repulsion</i>	23
Black U.S. residents: Different identities, different communities	23
Black U.S. communities: The formation of mutual images of cultures	38
<i>Chapter 2. Historic Memory as a Factor of Interaction between African Americans and Sub-Saharan African Migrants</i>	54
Collective memory of the past and intergroup relations in the present: African Americans and American Africans.....	54
The past of Africa and Black America in the historic memory of the U.S. black communities	62
<i>Chapter 3. Images of Cultures and Interaction between African Americans and Sub-Saharan African Migrants</i>	93
The impact of images of cultures on the relations between Black Americans and African migrants	93
The cultures of African Americans and Africans in mutual perceptions	103
<i>Conclusion</i>	151
<i>List of Informants</i>	154
<i>References</i>	167
<i>Summary</i>	196

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Введение</i>	9
<i>Глава 1. Африкано-американцы и африканские мигранты: взаимное притяжение и отталкивание</i>	23
Черные жители США: разные идентичности, различные сообщества	23
Черные сообщества США: источники и факторы формирования взаимных образов культур	38
<i>Глава 2. Историческая память как фактор взаимодействия африкано-американцев и мигрантов из субсахарской Африки</i>	54
Коллективная память о прошлом и межгрупповые отношения в настоящем: африкано-американцы и американские африканцы	54
Прошлое Африки и «черной Америки» в исторической памяти черных сообществ США	62
<i>Глава 3. Образы культур и взаимодействие между африкано-американцами и мигрантами из субсахарской Африки</i>	93
Влияние образов культур на взаимоотношения черных американцев и африканских мигрантов	93
Культуры африкано-американцев и африканцев в представлениях друг друга	103
<i>Заключение</i>	151
<i>Список информантов</i>	154
<i>Литература</i>	167
<i>Summary</i>	196

ВВЕДЕНИЕ

В XVII–XIX вв. вследствие европейской работорговли в большинстве стран Нового Света сформировались крупные общины потомков людей, насильственно вывезенных из Африки; в основном – с ее западного побережья.¹ В частности, в Соединенных Штатах Америки они давно – с периода формирования американского общества – стали неотъемлемой частью исторического, этнокультурного и социально-экономического ландшафта страны, по данным на 2013 г. составляя 12,6% ее населения – 39,9 из 316,1 млн чел. (Anderson 2015).

Добровольная же миграция африканцев в Западное полушарие, в том числе в США, началась в одно время с окончанием эпохи рабства – в 1860-е годы; первыми переселенцами из Африки в США по собственной воле стали уроженцы островов Кабо-Верде (Halter 1993; Wibault 2005: 13–19). Однако масштабы добровольной миграции из субсахарской Африки в Соединенные Штаты долго оставались незначительными. Их резкое расширение произошло даже не сразу после принятия 3 октября 1965 г. Акта об иммиграции и натурализации (*The Immigration and Naturalization Act*), упразднившего дискриминационную по отношению к уроженцам неевропейских (а также отчасти южно- и восточноевропейских) стран систему иммиграционных квот, а только в 1980-е и – особенно – 1990-е годы (Dixon 2006; Terrazas 2009; McCabe 2011), когда многие африканцы утратили обретенную вместе с независимостью веру в возможность построения по-

литически стабильного, социально справедливого и экономически преуспевающего общества в своих странах. «До 80-х годов многие уезжали из Африки только учиться, потому что верили, что, вернувшись в Африку, внесут вклад в развитие своих стран. А с 80-х годов началось разочарование, и многие стали просто уезжать из Африки – эмигрировать» (Архив 2013–2015: интервью 38; см. также: интервью 1, 26; Takougang 2002: 1–6, 9; Okpalauka, Dillard 2012: 128–129).

В результате, как отмечают ученые и журналисты, за последние десятилетия из Африки в США по собственному желанию переселилось больше людей, чем было насильственно перемещено за всю эпоху работорговли (Dodson, Diouf 2004: 199; Roberts 2005; Clark 2006; Arthur 2010: 239; Curry-Stevens 2013: 14). В XXI в. США превращаются в самого крупного реципиента мигрантов из субсахарской Африки (Capps et al. 2012: 3). И этот поток продолжает увеличиваться – среди всех групп иммигрантов в США выходцы из этого региона образуют одну из наиболее быстро растущих: три четверти проживающих в США африканцев прибыли в страну не ранее 1990 г. (Terrazas 2009), а 61% – и вовсе в XXI в. (McCabe 2011; Capps et al. 2012: 2; Zong, Batalova 2014). За 2000–2013 гг. количество африканских мигрантов в США возросло на 137% (с 574 тыс. до 1,4 млн чел.), в том числе за 2010–2013 гг. (всего за 4 года) – на 13% (Zong, Batalova 2014; Anderson 2015). Тем не менее и сегодня они составляют лишь 4% жителей страны, родившихся за ее пределами (Zong, Batalova 2014), 3,2% черных жителей Соединенных Штатов и 0,4% от общей численности населения США (рассчитано по: Anderson 2015). Некоторые ученые даже пишут о «невидимости» африканцев в американском обществе, а следовательно, – в массовом сознании и интеллектуальном дискурсе (Arthur 2000; Hintzen, Rahier 2003; Okure 2011: 5) (в то время как черные уроженцы США «продолжают быть гипервидимыми в стране и за рубежом» [Brooks-Tatum, Thomas 2012: 4]). Пусть, по мнению одной из респонденток, «африканцы становятся чуть лучше известны. Люди все еще очень невежественны в отношении Африки и африканцев, – продолжает она, – но больше уже не столь необычно быть африканцем в Америке» (Архив 2013–2015: интервью 6; см. также: Blyden 2012: 171).

Миграция в США осуществляется практически из всех государств континента; в частности, одна из тенденций последних десятилетий – увеличение притока выходцев из франкофонных стран (Thomas 2011; Aderoju 2014).² Тем не менее основными государствами-донорами остаются англоязычные страны и страны, охваченные гражданскими войнами – ныне или в недавнем прошлом: Нигерия, Эфиопия, Гана, Кения, Либерия или Сомали являются родиной половины американских черных африканцев (рассчитано по: Anderson 2015). Уже к 2000 г. африканцы проживали абсолютно во всех пятидесяти штатах страны и ее столичном федеральном округе (Wilson 2003); на сегодняшний день больше всего их в Нью-Йорке, Техасе, Мэриленде и Калифорнии – не менее 100000 человек в каждом из этих штатов (Terrazas 2009; McCabe 2011; Zong, Batalova 2014). Около 95% африканцев в США – горожане, главным образом жители крупных городских агломераций, на первом месте среди которых по числу африканцев (более 100000 человек в каждой) – агломерации Нью-Йорка и Вашингтона (Takyi, Boate 2006: 52–57; Terrazas 2009; Reed, Andrzejewski 2010: 3, 5, 13, 22; McCabe 2011; Zong, Batalova 2014).³

Важнейшей отличительной чертой американских африканцев является то, что, хотя среди них можно встретить людей любого образовательного уровня (Wibault 2005: 96–114), в среднем он очень высок – «утечка мозгов» происходит вследствие разных причин: стремления многих образованных африканцев иметь достойный их квалификации уровень жизни, нежелания возвращаться на родину значительной части африканских выпускников американских вузов, наличия немалого числа классных специалистов среди беженцев и политических эмигрантов, больших квот для граждан африканских государств в проводящихся с 1990 г. розыгрышах в лотерею вида на жительство в США (так называемой зеленой карты – *green card*), для участия в которой необходимо обладать как минимум полным средним или средним специальным образованием, и т.д. (Reynolds 2002; Hagopian et al. 2004; Okome, Vanoum 2004; Udogu 2004; Lobo 2006; Kaba 2009; Thomas 2011; Logan, Thomas 2012). Согласно статистике по своему образовательному уровню африканцы опережают другие группы иммигрантов и даже превосходят белых, а тем более черных, уроженцев США (Dixon 2006; Terrazas 2009; McCabe 2011; Capps et

al. 2012: 1, 12–15; Zong, Batalova 2014). По состоянию на 2007 г., лишь 13% проживавших в США уроженцев субсахарской Африки в возрасте от 25 лет и старше не имели как минимум полного среднего образования, 28% обладали ученой степенью не ниже бакалавра (Capps et al. 2012: 14, табл. 6). «... Соединенные Штаты, Канада и Австралия привлекают непропорционально много наиболее высокообразованных африканских мигрантов, в то время как менее образованные, как правило, направляются в Соединенное Королевство, Францию и другие европейские страны» (Capps et al. 2012: 1; см. также: Okome 2002: 6; Logan 2007: 55–56; Curry-Stevens 2013: 46–59). Однако вследствие нарастания притока беженцев среди африканских мигрантов постепенно становится больше людей не столь высокообразованных. Характерно, в частности, существенное падение на протяжении 1990-х годов доли выпускников колледжей среди эмигрантов в США из стран, охваченных в тот период гражданскими войнами: Либерии, Сомали, Судана, Сьерра-Леоне, Эфиопии (Kusow 2014: 77, табл. 2). Тенденция к увеличению притока малообразованных мигрантов вызывает беспокойство у части высокообразованных африканцев, опасющихся, что эти люди не смогут благополучно устроиться в Америке и начнут создавать проблемы не только себе, но и всем американским африканцам (Архив 2013–2015: интервью 21, 25, 47). Тем не менее еще раз подчеркнем, что на данный момент мигранты из субсахарской Африки представляют собой наиболее высокообразованный сегмент населения США.

Таким образом, сегодня в Соединенных Штатах сосуществуют общины, «генетически» связанные с одним регионом – субсахарской Африкой, однако имеющие очень разную историю и занимающие различное положение в современном американском социуме. Черные жители Соединенных Штатов Америки в далеком первом поколении – те, чьи предки были привезены из Африки (в подавляющем большинстве случаев – Западной) в качестве рабов столетия назад, называются в настоящей работе «африкано-американцами», поскольку ныне именно такое наименование (по-английски – *African Americans*) признается наиболее корректным большинством самих представителей данной группы населения страны (подробнее см. ниже) и в связи с этим прочно утвердилось в англоязычном общественно-политическом и научном

тезаурусе. Под «африканцами» (*Africans*) же имеются в виду современные добровольные мигранты из стран субсахарской Африки. Следует отметить, что почти все наши респонденты из этой категории – мигранты в первом поколении, хотя уже вступает во взрослую жизнь поколение их детей, или родившихся в США, или привезенных в страну в раннем возрасте. Также в монографии детально не рассматривается, а лишь эпизодически упоминается заслуживающая специального изучения еще одна группа черного населения страны – афрокарибцы, т.е. черные уроженцы Антильских островов в Карибском море, как и африкано-американцы, – потомки некогда завезенных из Африки рабов, но, подобно африканцам, являющиеся мигрантами в США. Так же можно охарактеризовать и еще одну, самую малочисленную и культурно обособленную, группу населения страны африканского происхождения, не изучавшуюся автором данной работы, – черных уроженцев стран Латинской Америки.

Несмотря на общность корней, между черными общинами, и в частности, африкано-американцами и африканцами сохраняется значительная «социальная дистанция» (Iheduru 2013). С учетом истории и Африки, и черного населения Нового Света этот факт может показаться вполне естественным, однако примечательно в нем то, что он противоречит мифологемам и идеологемам целого ряда мощных интеллектуальных, культурно-просветительских и политических течений, начавших распространяться среди и африкано-американцев, и африканцев, и афрокарибцев еще в середине XIX в. Гарвеизм, негритюд, панафриканизм, афроцентризм и другие учения такого рода утверждали и утверждают идеи о единой культурной и духовной основе всех черных людей, об особом душевном складе и менталитете черного человека, где бы он ни родился, о всемирном «черном братстве» и наличии у всех представителей «черной расы» общих целей и задач, требующих их совместных действий в мире, которым правят белые. Однако после создания черными американцами государства Либерия в 1847 г. и прекращения в США рабства и работорговли в 1865 г. вплоть до самого недавнего времени взаимоотношения черных сообществ двух полушарий имели во многом виртуальный характер: до 1980-х – 1990-х годов приток уроженцев Африки в Америку был невелик (как отмечалось выше), обратный поток был еще слабее.

В такой ситуации, к тому же в условиях расового неравенства в Америке, колониализма и неоколониализма в Африке, идеи о «черном братстве» находили отклик в сердцах многих африканцев и африкано-американцев от высоких интеллектуалов до социально и политически активных молодых представителей городских низов.

Когда же настоящая «встреча» состоялась, обнаружилось, что Малкольм Икс, одна из ярчайших фигур в истории движения за гражданские права черных американцев, был прав, в образных выражениях высказывая сомнение в перспективах панафриканизма как идеологии, способной объединить черных людей по обе стороны Атлантического океана: «Нам следует быть реалистичными и гибкими. Африка далеко от нас, и между нами большая водная преграда» (цит. по: Goldman 1979: 148). За столетия раздельного существования между черными уроженцами двух континентов образовалось множество глубоких различий самого разного рода. Глядя на «других черных людей» как в зеркало, ни африкано-американцы, ни африканцы не видят собственного отражения или видят, но как в зеркале кривом. Одним различия кажутся непреодолимыми или даже не требующими попыток преодоления (как африканцам, считающим африкано-американцев «просто черными американцами» [Архив 2013–2015: интервью 3, 4, 6, 7, 16, 21, 22, 24, 28, 34, 36, 38, 45, 47, беседы 1, 4, 12, 15, 22, 40, 57, 65, 85, 99, 109], или африкано-американцам, индифферентным к своим африканским корням [Архив 2013–2015: интервью 5, 10, 27, 39, 41, 43, 44, 46, беседы 3, 26, 115]), другие же, напротив, прилагают для этого все усилия, подобно активистам некоторых ассоциаций африканских мигрантов и американских общественных и благотворительных организаций (Архив 2013–2015: интервью 12, 22, беседы 80, 107; см. также: Tinuoye 2013⁴), убежденным приверженцам афроцентристских идей – в основном африкано-американцам, желающим культивировать в себе «африканскую идентичность», но иногда и африканцам (Архив 2013–2015: интервью 12, 17, 53, беседы 22, 32, 39, 80, 100, 142).

Нет оснований не согласиться с оценкой одной из наших собеседниц: «африканцам все еще очень трудно принять африкано-американцев. Также и африкано-американцам – принять африканцев: многие африкано-американцы видят в африканцах просто

иностранцев» (Архив 2013–2015: интервью 6). В ряду причин, определяющих такой характер взаимоотношений между африканцами и африкано-американцами, не последнее место занимает своеобразие восприятия ими друг друга. В значительной мере оно обусловлено социальными параметрами, например, уже упомянутым превосходством африканцев в уровне образования. Но не меньшее значение имеют и культурные факторы. Одна часть топосов взаимовосприятия африканцев и африкано-американцев связана с неодинаковостью преломления в коллективной памяти и отражения в массовом сознании тех и других важнейших событий и явлений прошлого (см.: Бондаренко 2015б). Другая же их часть непосредственно связана с сегодняшним опытом межкультурного общения, в ходе которого обнаруживаются глубокие различия между культурами черных американцев и недавно прибывших в страну африканцев, также не позволяющие им считать себя частями единого целого.

Этим исходным положением – о двух группах культурно-антропологических факторов взаимовосприятия африкано-американцев и современных мигрантов в США из стран Африки южнее Сахары, взаимосвязанных с факторами социальными, – обусловлена структура основной части монографии. Изучению топосов взаимовосприятия черных американцев и мигрантов из стран Африки южнее Сахары, их влиянию на взаимоотношения между ними было посвящено исследование, по итогам которого она написана. Таким образом, в основу этой книги положены авторские полевые материалы.

Исследование проводилось в 2013–2015 гг. в семи штатах (Алабаме, Иллинойсе, Массачусетсе, Миннесоте, Миссури, Нью-Йорке и Пенсильвании); как в ряде малых и средних городов – от восьмитысячного Гантерсвилла до более чем трехсоттысячного Сент-Луиса, так и в крупных – Бостоне, Миннеаполисе, Нью-Йорке, Филадельфии, Чикаго. Следует отметить, что его тематика является недостаточно разработанной в мировой науке: на сегодняшний день по ней опубликовано мало исследований даже в самих США.⁵ Это связано как с новизной предмета (выше уже отмечалось, что приток мигрантов из африканских государств в Соединенные Штаты интенсифицировался недавно), так и с потенциальной общественно-политической остротой темы. При этом

сама проблематика транснациональных миграций и их последствий, и прежде всего миграций из Африки «по линии Юг – Север», несомненно, является одной из наиболее приоритетных и активно разрабатываемых в современной антропологии. Более того, все чаще среди антропологов раздаются голоса о том, что эта проблематика, отражающая изменения в современном мире, меняет сам предмет антропологии, которым в условиях культурной глобализации становится изучение не отдельных обществ или культур как неких относительно замкнутых и целостных единиц анализа, а именно процессов и результатов транснационализации как нового феномена социокультурной истории человечества (Glick Schiller, Faist 2010). Меняется и африканистика: из дисциплины «региональной», изучающей африканский континент, она превращается в дисциплину «глобальную», объект которой – африканцы где бы они ни жили (Schramm 2008b). В то же время наше исследование способно не просто внести вклад в поиски подходов к новой актуальной проблеме, но и задать дополнительные измерения этих поисков ввиду своеобразия контрагентов взаимодействия в изучаемом случае: не просто мигрантов и принимающей культуры, а исторически двух культур мигрантов, имеющих общие истоки, но столь разные судьбы. Таким образом, наша работа, с одной стороны, укладывается в русло современных тенденций в антропологии и африканистике, а с другой – может внести вклад в разработку конкретной слабоизученной темы, актуальной не только для этих двух научных дисциплин, но и для американистики.

В первый полевой сезон ставилась задача выявить максимально широкий спектр особенностей взаимовосприятия и взаимоотношений африканских мигрантов и африкано-американцев, складывающихся в различных социальных контекстах. Для сбора научного материала использовались методы структурированного, полуструктурированного и неструктурированного интервью и наблюдения. Участники проекта в различных городах и штатах двух историко-культурных регионов и четырех субрегионов США – Северо-востока (Новой Англии и Среднеатлантического) и Среднего Запада (Северо-восточного центрального и Северо-западного центрального) ежедневно проводили время в районах компактного проживания африкано-американцев и африканцев,

встречались и беседовали с людьми из самых разных социальных слоев и групп. В частности, с сотрудниками и посетителями офисов некоммерческих организаций из среды африканских мигрантов и африкано-американцев, черными общественными активистами, представителями высококвалифицированных профессий (инженерами, врачами, юристами, школьными и университетскими преподавателями), студентами колледжей и университетов. В то же время нашими собеседниками становились работники и клиенты «черных» магазинов, парикмахерских салонов и клубов, кафе и ресторанов африканской кухни, африканских продовольственных, вещевых и сувенирных рынков, черные прихожане мечетей и церквей и т.д. Важной частью работы стало присутствие на публичных мероприятиях (формальных и неформальных) организаций африкано-американцев, африканских землячеств, пан-африканских общественных объединений и др.

В итоге интервью и беседы были проведены с африкано-американцами, уроженцами 22 из 49 стран субсахарской Африки (Бенина, Ганы, Гвинеи, Кабо-Верде, Камеруна, Кении, Кот-д'Ивуара, Либерии, Мавритании, Мали, Нигера, Нигерии, Руанды, Сенегала, Сомали, Судана, Сьерра-Леоне, Того, Уганды, Чада, Эритреи и Эфиопии), черными уроженцами пяти государств Карибского бассейна (Барбадоса, Гаити, Гайаны, Тринидада и Тобаго, Ямайки),⁶ а также жителями США иного (арабского, еврейского, европейского, индийского, китайского, латиноамериканского) происхождения, так или иначе связанными с африканцами и/или африкано-американцами. Наконец, важная пицца для размышления была получена в ходе профессионального общения с коллегами-антропологами, африканистами и африкано-американцами в университетах – Бостонском, Гарвардском, Лихай, Пенсильвании, Питтсбургском, Северо-восточном, Северо-западном, в колледже Уэллсли и в Американском музее естественной истории.

Основным отличием полевой работы в 2014 г. явилось смещение акцентов с по возможности максимально широкого географического, социального, национального охвата респондентов на конкретное исследование двух четко очерченных сопоставимых друг с другом небольших общин на севере штата Алабама (Юго-восточный центральный субрегион, или Глубокий Юг региона

Юг). Работа проводилась в состоящей почти всецело из небогатых и обладающих средним уровнем образования африкано-американцев общине молельни им. Ливингстона Африканской методистской епископальной церкви в черном районе Холм (*The Hill*) восьмитысячного городка Гантерсвилл в графстве Маршалл⁷ и в эфиопской православной общине, члены которой (многие – рабочие на местных птицефабриках) съезжаются на службу и другие мероприятия в город Хантсвилл из разных концов соседних графств Маршалл и Мэдисон. То есть в центр изучения была поставлена ситуация не в крупных городах Северо-Востока и Среднего Запада, исторически более космополитичных и толерантных, а в малых городах в глубинке на Юге страны, известной своими консерватизмом и традиционализмом. Уделение внимания ситуации в небольших городах также было вызвано желанием учесть новейшую тенденцию африканской миграции в США, заключающуюся в освоении мигрантами, ранее практически неизменно предпочитавшими «бросать якорь» в мегаполисах, поселений такого масштаба.

Соответственно изменению объекта изучения были скорректированы и методы исследования. В основу было положено стремление установить с членами двух общин доверительные отношения. Поэтому участники исследования отказались от обширных интервью под запись на диктофон по нескрываемому от респондента плану и предпочли беседы (впрочем, зачастую также продолжительные), которые правильно было бы назвать полуструктурированными и неструктурированными интервью. Их запись осуществлялась от руки по ходу беседы-интервью. Гораздо большее значение, нежели в 2013 г., придавалось работе методом наблюдения. Участники исследования не пропустили ни одного мероприятия в церквях изучавшихся общин, побывали в домах некоторых их членов, встречались с ними в неформальной обстановке в кафе... Общие впечатления от увиденного, подмеченные интересные детали и услышанные характерные мнения впоследствии также записывались. Кроме того, были тщательно проанализированы экспозиции городских музеев Гантерсвилла и соседнего Албертвилла с целью проследить, как в наши дни визуальными средствами формируется историческая память о прошлом черного населения США и через нее создается представление о

его месте и роли в американском обществе не только в прошлом, но и в настоящем. С этой же целью автор данной монографии посетил мемориал Мартина Лютера Кинга в его родном городе Атланте (штат Джорджия) – неофициальной «столице американского Юга», одним из главных центров движения за гражданские права 1954–1968 гг.

Наконец, в третий полевой сезон, 2015 г., исследование проводилось в двух городах: Сент-Луисе и Нью-Йорке. Сент-Луис находится в штате Миссури, относящемся к историко-культурному региону Средний Запад, субрегиону Северо-западный центральный. В этом субрегионе нашей группой уже проводилась полевая работа (в штате Миннесота в 2013 г.). Однако Сент-Луис был выбран нами как связующее звено – и географически, и историко-культурно – между Севером и Югом США, где мы работали соответственно в первый и второй сезоны. Некогда этот город в центре страны находился на границе двух миров – рабовладельческого Юга, являясь его крайним северным форпостом, и свободного Севера, начинавшегося уже на реке Миссисипи, на берегу которой расположен город, поскольку река в этом месте считалась относящейся к простиравшемуся за ней аболиционистскому штату Иллинойс. Вряд ли где-то еще столкновение двух миров было столь прямым и наглядным, как в Сент-Луисе: по одним и тем же улицам ходили и черные рабы, и свободные люди африканского происхождения; и рабовладельцы, и убежденные противники рабства. Работа над настоящим проектом в разных частях Америки убедила нас, что культурная граница между Севером и Югом, образовавшаяся в результате различий в их истории в связи в первую очередь с рабством черных, не исчезла и по сей день. Она остается значимым культурным и социально-политическим фактором общественной жизни страны, а «северянин» и «южанин» – узнаваемыми типажам. Социокультурная же пограничность Сент-Луиса проявлялась на всем протяжении истории города и после отмены рабства (Christensen 1972; Morris, Wesley 1999) вплоть до событий 2014–2015 гг., связанных с убийством белым полицейским чернокожего юноши Майкла Брауна в пригороде Сент-Луиса Фергюссоне. Кроме того, Сент-Луис представил в нашем исследовании еще один тип города – не маленький и не большой, а средний по числу жителей.